

ПРОБЛЕМА ПРИСОЕДИНЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ В СУВЕРЕНИТЕТ-ЦЕНТРИРОВАННОЙ КАРТИНЕ МИРА

РЕУТ О. Ч.,

доцент Северо-Западного института управления РАНХиГС
(Санкт-Петербург)

На протяжении относительно небольшого в историческом отношении периода – первого десятилетия XXI века – история и методология международных исследований стала сферой грандиозных структурных изменений. Развитие дисциплины проходит под знаком растущей популярности комплексных подходов к изучению структурирования глобального порядка и беспорядка. Протекающие трансформации затрагивают фундаментальные основы политического устройства мира: формы организации основных действующих в нём субъектов, их состав, а также характер отношений между ними, неформальные и формализованные правила и механизмы их регулирования. Меняется сложившийся порядок вещей; приобретая новое качество, деформируется системный каркас суверенитет-ориентированного основания мироустройства.

Ситуация, когда новые отношения сменяют на доминирующих позициях ранее сложившиеся, привнося качественно иные виды принципы организации на международно-политическом уровне, вынуждает предполагать, что более ранние процедуры определения субъектов и выстраивания отношений между ними не исчезают окончательно, а видоизменяются, приобретая новые черты, пытаясь встроиться в усложняющиеся системы более высокого уровня, адаптируясь к новым условиям функционирования.

В настоящее время проявляется очевидный запрос на актуализацию вокабулярия, связанного с процессами изменения «материальной конфигурации пространства» и ориентированного на объяснение происходящих изменений в уже известных и устоявшихся терминах присоединения или воссоединения территорий, эмпирическое

использование которых способствует подтверждению или опровержению зарождающихся теоретических построений.

За термином «аннексия» порой скрываются самые разные процессы. Присоединение территории может иметь под собой национально-этнический фундамент, может основываться на экономических процессах, а может определяться признанием со стороны международного сообщества. Её цель может состоять в экспансии порядка и, следовательно, в конструируемой ассимиляции, либо во внедрении марионеточного правительства с последующим получением дивидендов от участия в управлении единым территориальным массивом. В самом первом приближении стоит обобщить, что в динамике суверенитета как категории анализа нет ничего априорно позитивного или негативного, всё зависит от

конкретного содержания этого концепта.

При этом собственно исследования аннексии достаточно долгое время фокусировались исключительно на монополии на насилие, особое место занимали проблемы отказа от территориальности, объединения (pooling) суверенитетов и/или их совместного использования (sharing). Востребованным предметом исследований была и десуверенизация, рассматриваемая как размягчение или преодоление суверенитета, наделение его качеством бесполезности.

Бесспорно, изменение геометрии суверенитетов способствует повышению значимости границ (bordering) и в этом смысле поддерживает принципы национально-государственной исключительности, которые заложены в Вестфальской системе. Но если под границей понимать не только разделительную линию, корректировка которой чревата потенциальными конфликтами, но и пространство, фиксирующее стремление стран использовать своё «стыковочное» положение для извлечения прямых или косвенных выгод (что часто выражается в метафоре «моста»), то ситуация характеризуется снижением значимости границ (debordering) и усилением влияния периферийных территорий, успешно преодолевающих своё маргинальное (применительно к политической географии) положение.

Состояние аннексии выступает пространственной категорией идентичности, предполагающей инкорпорирование установленного порядка в отношении изначально периферийных территорий. Интересно, что это не раз и навсегда установленная категория, она формируется в процессе так называемых игр признания и самопризнания. При этом актор может не признавать

свой статус, приписанный ему другими, но именно он определяет принадлежности к тому или иному суверенитету. Аннексия оказывается позицией, структурирующей систему отношений со стороны динамически неустойчивого конструкта «международное сообщество».

Использование терминов присоединения и воссоединения территорий открывает возможность посмотреть на практики функционирования так называемых «непризнанных республик», которые de facto существуют, но одновременно позиционируются в двух системах признания, т.е. определения суверенитета истинным или справедливым или, напротив, сомнения в нём или оспаривания. Указанная логика редуцирует потенциальное многообразие форм международных отношений до дипломатического акта со стороны государства, самого ранее признанного другими.

В контексте представленного анализа прошлое присутствует в политическом настоящем, а современность предопределяет образ прошлого. При этом то, что воспринимается в прошлом как ценностно детерминированный момент, становится конструктивным элементом политической реальности. Решающим аргументом конструирования политического феномена оказывается новая интерпретация прошлого, которое, в свою очередь, актуализируется таким образом, что определяет смысл современности, а присутствующие в нём события, явления и процессы формируют основания для политической реальности.

С методологической точки зрения выявленная дилемма должна была бы разрешаться на основе ставшего классическим противоречия принципов международного права – право наций на самоопределение и территориаль-

ной целостности. Но режим аннексии деформирует темпоральность в качестве критерия реализуемости (а не декларативности) права наций «свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие». Осуществление права на самоопределение предполагает выделение общего типа социализации, поддерживаемого системой ценностей и предписывающего определённый тип поведения. Автономия национальных сообществ основывается на плотности связей, обеспечивающих высокую интенсивность взаимодействия, в том числе и сугубо политического.

При этом ограничение внутрисоциетального насилия может быть достигнуто только через монополию на легитимное принуждение. Этот основной признак государственности применим для определения обстоятельств поли-

тического насилия, возникающего при рассматриваемой реконструкции порядков. Именно флуктуация права на насилие детерминирует процесс аннексии. Возникают и исчезают точки политизации публичного пространства. Оформляется более сложное устройство политических различий, которое не ориентируется на складывание субъектов вокруг перестающих быть простыми и понятными политических идентичностей. Проявляется запрос на систему ключевых означающих, которая описывала бы уже не столько порядок и беспорядок, насилие и ненасилие, сколько пределы применимости суверенитета как концепта, способствующего разрешению методологических проблем комплексного изучения реформирования порядков в режиме аннексии.